

©2020 М.А. КОРЗО

О ФОРМАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАВСТВЕННОГО НАЗИДАНИЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ И ДЕТСКИХ КНИГАХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ (XVI – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Часть I

Корзо Маргарита Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этики. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: korzor@zmail.ru

Аннотация: Одним из агентов процессов нравственного реформирования, характеризующих европейское общество раннего Нового времени, были школьные институты различных уровней, которые прививали определенные нравственные ценности и модели достойного поведения в том числе и посредством учебной литературы и адресованных детям книг для чтения. Несмотря на то, что данная книжная продукция отличалась значительным консерватизмом, ее анализ на протяжении XVI – начала XIX веков позволяет выявить изменение способа рассуждения о добродетельном и порочном, аргументации в пользу определенных моделей поведения; появление новых тематических блоков, которые

Статья подготовлена в рамках коллективного гранта РФФИ «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции». Грант № 18-011-00297.

свидетельствуют о влиянии философской мысли той эпохи на учебную литературу. В первой части исследования анализируются основные формы подачи назидательного материала в школьных учебниках и книгах для чтения. Подборки религиозно-моралистических сентенций, каталоги обязанностей (в виде т.н. «домашних таблиц» и тройственных обязанностей по отношению к Богу, самому себе и ближнему), правила приличия, поучительные рассказы, назидательные картинки и подборки аллегорических изображений-эмблем имели свои истоки в различных жанрах книжности, могли сосуществовать в одном и том же учебнике или конкурировать между собой.

Ключевые слова: нравственное назидание, школьный учебник, раннее Новое время, поучительные сентенции, «таблицы» обязанностей, правила приличия, визуализация нравственных предписаний.

Ссылка для цитирования: Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Часть I // Человек. 2020. Т. 31, № 3. С. 116–134. DOI: 10.31857/S023620070010039-9.

Европейская история с XVI и до начала XIX века характеризуется масштабными процессами нравственного реформирования, в которые были вовлечены государственные, церковные и общественные институты. Общей целью нравственно-преобразующих усилий было изменить нравственное сознание и поведение людей, что достигалось с помощью многообразных инструментов контроля и дисциплинирования [2], но также и воспитательно-пропагандистскими методами.

Последние активно применялись, в частности, в школьных институтах разного уровня — приходских, монастырских, орденских, городских, частных, гимназических и университетских и т.п. Все они, конечно, значительно отличались по организации, объему и сложности предлагавшихся знаний. Но лишь с незначительной долей упрощения можно утверждать, что до формирования государственной системы секулярного образования (первые значимые попытки которого приходятся на середину XVIII века, хотя элементы государственного регулирования или контроля появляются значительно раньше), школа в ее широком понимании и в католических, и в протестантских регионах ставила перед собой две основные задачи: религиозно-нравственное воспитание (*pietas*) и собственно образовательную задачу — стяжание мудрости (*sapientia*). При этом сугубо академические цели долго имели скорее подчиненный характер, выходя на первый план в образовательных учреждениях среднего и высшего уровня; преимущественное

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ

значение имело усвоение учениками определенного типа благочестия или набожности и основных норм христианской морали и этики. Таким образом, речь шла в первую очередь о том, чтобы сформировать доброго христианина (при том, что содержательное наполнение данного понятия могло со временем несколько меняться и расширяться), а не образованного человека [16, с. 151; 34, с. 104]. Школа как институт, дающий конкретные практические знания и навыки — это явление, постепенно складывающееся лишь в XVIII веке.

В настоящем исследовании, которое состоит из двух частей, будет предпринята попытка проанализировать, в какой мере школьные учебники и книги для чтения раннего Нового времени выступали инструментом формирования определенного нравственного сознания и поведения детей. В первой части мы остановимся на том, в каких формах нравственное назидание присутствовало в учебной литературе; вторая часть посвящена анализу конкретного содержания этого назидания. В последнем случае мы не ставим перед собой задачу исчерпывающего раскрытия темы, поскольку материал поистине необъятен; представляется гораздо более важным выделить основные тематические блоки и сюжеты, а также способы рассуждения о добродетельном и порочном, которые позволяют говорить именно о ранненововой специфике нравственного наставления в школьной литературе.

В качестве основного источника мы обратимся только к общеобразовательным учебным пособиям и книгам для чтения. В немецкоязычных регионах само понятие «книга для чтения» (*Leßbüchlein*) зарождается лишь на рубеже XVI–XVII веков, а широкое распространение получает позднее [6, с. 53]. Не всегда просто разграничить печатные издания, предназначенные преимущественно для школьных целей или домашнего обучения, поскольку учебные пособия зачастую были многофункциональны. Мы не будем учитывать специализированные издания по отдельным дисциплинам (например, по истории), которые как массовое явление входят в оборот лишь с XVIII века, а также самые элементарные учебники, состоящие лишь из грамматического материала и основных молитв, которые использовались так же и как тексты для освоения навыков чтения, а потому зачастую печатались со слогоразделом (англ. *hornbooks*, нем. *Lestäfllein*, ABC-Täfelchen, в России их аналогами были азбуки-восьмилистки).

Детская литература интересующего нас периода была также значительно более разнообразна в жанровом отношении, не исчерпывалась только школьными пособиями и книгами для чтения. В данном исследовании не учитывается художественная литература, в которой появляется акцент на развлекательности;

Ребенок, угощающий вином. Сценка из букваря (Weißes Ch.F. Neues A, B, C, Buch, 1773)

«how-to-books» или пособия сугубо практической направленности (например, кулинарные книги для девочек; руководства по написанию писем; сборники изречений, интересных фактов и советов для ведения светских бесед, др.); но также и детские периодические издания как специфическое явление эпохи Просвещения и как способ распространения разумных идей, конкретных практических навыков и исправления нравов. Мы не будем также учитывать детскую литературу, которая готовила к определенным социальным ролям — например, книги для девочек, где описывались практические навыки, обязанности и желательный образ жизни замужних и незамужних женщин.

Общеобразовательные учебные пособия и книги для чтения бывает достаточно сложно причислить к той или иной конфессиональной традиции: их структура и содержание довольно единообразны. Подсказкой в данном случае могут служить религиозные тексты в составе этих изданий. Также в редких случаях можно сказать со всей определенностью, ценностные представления какой социальной группы они отражают [4]. Необходимо также учитывать, что учебная литература консервативна, элементы нового содержания лишь очень постепенно завоевывают себе место, зачастую на протяжении длительных периодов соседствуя с содержанием традиционным. Достаточно долго ребенок рассматривался как маленький взрослый, без учета его возрастных особенностей. Это объясняет, почему в учебниках зачастую доминируют сценки из жизни взрослых [29; 30] и встречаются совершенно «не детские» сюжеты — например, разделы о вреде пьянства [35] или поучения о том, что необходимо заблаговременно составить

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

завещание [30, с. 60–61]. Лишь с середины – второй половины XVII века учебники начинают учитывать эмоциональный мир ребенка [7, с. 18], постепенно появляется элемент развлекательности, использование игрового момента в подаче учебного материала, в том числе и нравственно-назидательного характера.

Формы нравственного назидания

Нравственно-назидательный материал в учебниках подавался в различных формах, которые складывались не одновременно и восходили зачастую к очень разным книжным традициям и жанрам, были не всегда равноценны по объему. Данный материал был также многофункционален, служил вплоть до начала XIX века и для освоения навыков чтения, а потому значительная часть текстов печаталась со слогоразделом, а некоторые из них подлежали заучиванию наизусть. В настоящем исследовании мы остановимся только на наиболее часто встречающихся формах нравственных назиданий, их жанровой специфике и возможных источниках.

Подборки религиозно-нравственных и поучительных сентенций

Первоначально это были преимущественно библейские фрагменты или цитаты, которые группировались как по тематическому, так и по распространенному в книжности той эпохи алфавитному принципу. Данный раздел учебника формируется и получает широкое распространение в первую очередь в протестантской учебной литературе (нем. Spruchbuch) во многом благодаря Филиппу Меланхтону (1497–1560), который поместил данный материал в приложение к своей грамматике («Enchiridion elementorum puerilium», 1523), а около 1527 года опубликовал его отдельной брошюрой («Etliche spruch darynn das gantz Christlich leben gefasset ist»). Ядро такой «Spruchbuch» составляли исключительно ветхозаветные тексты — псалмы, фрагменты *Книг Притчей Соломоновых и Премудрости Иисуса, сына Сирахова*. Они зачастую давались с разделением на слоги, поскольку на них оттачивались и навыки чтения. Доминирование ветхозаветных историй объясняется тем, что Новый Завет считался более сакральным текстом, а потому его не использовали для сугубо грамматических целей [1, с. 133]. Со временем материал религиозно-нравственных сентенций тематически упорядочивается, организуется преимущественно в соответствии с последовательностью литургического года, а с 70-х годов XVI века — в соответствии со структурой типового катехизиса [28, с. LXXV–CIII]. Библейские фрагменты дополняются многочисленными сентенциями мыслителей разных эпох, в том числе, греческих мудрецов (например, «Dicta Sapientum, Erasmo

Roterodamo interprete»), крылатыми выражениями и поговорками; со временем увеличивается удельный вес светских изречений, а в эпоху Просвещения появляются цитаты из философских произведений. Так, например, в российских букварях екатерининской эпохи встречались высказывания французских просветителей — Вольтера, Дидро, Монтескье, Руссо [3, с. 198]. Отличительной чертой данных сентенций были краткость и афористичность. Таким образом на протяжении XVI–XVIII веков «Spruchbuch» разрастается до объемного компендиума, превращаясь в своего рода руководство по устройению повседневной жизни [13]. В качестве самостоятельного пособия данная форма религиозно-нравственного назидания получила наиболее широкое распространение в протестантских регионах, что объясняется, в частности, особым отношением протестантов к Св. Писанию и установкой на широкое распространение Библии на вернакулярных языках. Влияние жанра «Spruchbuch» испытала отчасти и кириллическая букварная традиция XVII века [20, с. 97].

Перечни обязанностей

Нравственное назидание через призму обязанностей встречается уже в отдельных пособиях по грамматике первой трети XVI века под названием, например, «Morum et honestatis praescripta» [26, с. H3–Iv.]. Впоследствии данная форма получает распространение как в учебной, так и в религиозно-назидательной литературе главным образом под влиянием раздела «домашняя таблица» («Haustafel» или «Tabula oeconomica») в «Кратком катехизисе» Мартина Лютера 1529 года. Катехизис реформатора нельзя считать учебником в строгом смысле слова, но в лютеранских регионах его использовали как одно из первых пособий для освоения навыков чтения, совмещая зачастую религиозный материал с грамматическим. «Домашняя таблица об обязанностях. Библейские фрагменты для различных духовных лиц и сословий, согласно которым они должны исполнять свои обязанности» (в ряде изданий Лютера представлялась графически в виде таблицы) включала обязанности епископов, пастырей и проповедников, христиан перед пастырями, светских властей и подданных; мужей, жен, родителей, детей; работников и работодателей; молодежи, вдов, всех христиан без различия их положения и статуса. Для формулировки обязанностей Лютер обращается к апостольским посланиям, в первую очередь — к Ефессянам, к Титу, Первому и Второму к Тимофею. В качестве образца реформатор, судя по всему, использовал виттенбергское издание 1513 года сочинения известного французского богослова Жана Жерсона (1363–1429) «Об образе жизни всех

М.А. Корзо

О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения.

Часть I

В отличие от упомянутого выше жанра «Spruchbuch», «домашние таблицы» и в учебной литературе, и в сочинениях очень разных жанров (например, в песнях об обязанностях отдельных состояний) составлялись исключительно из новозаветных фрагментов [33, с. 157, 163], задавая, таким образом, основные принципы именно христианского этоса — не случайно они зачастую именовались также зеркалами христианской жизни (*speculum vitae christianae*). Состав «домашних таблиц» подвергался со временем модификации — появлялись, например, обязанности представителей различных профессий; отдельные группы обязанностей дополнялись перечнями наиболее типичных для того или иного состояния грехов и добродетелей. В католических регионах «домашние таблицы» могли использоваться и для подготовки подростков к исповеди. В учебной литературе этот раздел встречался вплоть до конца XVIII века, в букварях для самых маленьких он мог называться «взаимные обязанности» и ограничиваться кругом только самых близких — родителей, учителей и сверстников [14, с. В2–В3].

122

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

Мартин Лютер. Домашняя таблица. 1547

излагались правила поведения в определенных ситуациях, нормы этикета и общения.

Правила приличия и этикет

Данный раздел в законченном виде формируется лишь в XVIII веке. Двумя столетиями раньше обязанности по отношению к собственному телу (*quomodo corpus curandum sit*) описывались лаконично с помощью библейских сентенций или максим типа: «не люби спать» (Прит. 20), «сдерживай уста» (Прит. 10), «труди свои руки» (1Фес 4: 11), «обуздывай вожделения» (Гал 5: 16) и т.п., которые задавали границы этоса добропорядочного христианина [36, с. F–F7v.]. На немецкоязычных территориях такие подборки максим именовались зачастую «правилами приличия» (*Anstandsregeln*); они встречались не только в учебных изданиях

Данные максимы христианского этоса только со значительной долей условности можно отнести к зарождающемуся в XVI веке жанру литературы о принципах цивилизованного поведения, начало которому было положено, в том числе, и сочинением Эразма Роттердамского «О приличии детских нравов» (1530). Со временем «правила приличия» пополняются нормами поведения за столом, требованием соблюдать личную гигиену и заботиться о здоровье, этикетными правилами, умением вести себя в обществе сверстников и взрослых, выстраивать беседу и т.п. Такое пристальное внимание к правилам приличия объяснялось широко распространенным представлением о том, что внешний вид и поведение есть проявление внутренней сущности человека, а потому на добропорядочного человека возлагалась обязанность следить не только за состоянием своей души, но и тела. К тому же внешние поведенческие формы играли важную роль в сохранении достойного человеческого общежития, что акцентировалось еще мыслителями и педагогами ранней Реформации. Так, Меланхтон считал, что одна из главных задач этики — регулировать поведение людей, поскольку это позволяет им сосуществовать с другими членами общества. Именно поэтому в вышедших из-под его пера учебных пособиях по этике столь велико внимание и к правилам внешнего поведения [21, с. 204–205].

Со временем разделы о правилах приличия и этикета существенно разрастаются, достигая порой значительных объемов. Но их публикация под одной обложкой с элементарным учебником не всегда означала, что речь идет о самостоятельном и самоценном произведении — зачастую они были лишь хрестоматийной частью азбуки. Данное замечание верно и по отношению, например, к известному российскому изданию петровских времен «Юности честное зерцало» (1717) [3, с. 195].

Данный раздел появляется в учебной литературе позднее, чем описанные выше формы нравственного назидания, и уже в конце XVII века эмансипируется и развивается как самостоятельный жанр книг для чтения [23, с. 133]. Рассказы чаще выстраивались как типовые сценки из повседневной жизни — в семье, среди ровесников, при выполнении домашних дел, в школе, на прогулке, при общении с животными и на природе. Главный герой мог называться просто «один мальчик» или «одна девочка» и выступать как некий обобщенный образ порока или добродетели [5], но мог быть и с именем, что придавало ситуациям большую достоверность.

Ян Стен. Школьный учитель. 1667. Национальная галерея. Дублин. Ирландия

Встречались биографические или стилизованные под биографии рассказы, с указанием конкретной местности и времени события, имен родителей и иных подробностей [18]. Повествование велось от третьего лица или от лица ребенка, встречались и диалоги: детей между собой (в этом случае один из них выступал в роли наставника) или ребенка с родителем или учителем. Назидательные сценки для самых маленьких облекались зачастую в форму стишка или песенки. Так поступили, например, составитель «Новой А, Б, В-книги» (1772) Христиан Феликс Вейсе (1726–1804) [35, с. 77–82] и автор «Коротких песенок для маленьких девочек и мальчиков» (1777) Готтлоб Вильгельм Бурман (1737–1805) [11].

В сборниках рассказов использовались и иносказательные повествования — басни. Несмотря на то, что некоторые гуманистически ориентированные педагоги скептически относились к данному жанру, считая его пригодным для наставления только простаков, он получил широкое распространение не только в учебной литературе, но и в политических памфлетах и даже проповедях.

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

Лютер включил басни в учебную программу составленного им школьного распорядка для г. Виттенберг в 1533 году [24, с. 122]. В эпоху Просвещения сохранилось неоднозначное отношение к данному жанру: высоко ценил назидательный потенциал басни, например, немецкий просветитель Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781); противники же (немецкий педагог Иоганн Бернхард Базедов (1724–1790) и французский мыслитель Жан-Жак Руссо (1712–1778)) считали, что басня слишком далека от реальности и слишком иносказательна для детского восприятия [8, с. 115]. Своеобразным отголоском басен были сцены из жизни с участием животных.

В отличие от библейских сентенций, каталогов обязанностей и правил достойного поведения, прозаические поучительные рассказы не предназначались для заучивания наизусть; исключения составляли лишь стишки или песенки для самых маленьких. Содержание рассказов усваивалось в результате их многократного перечитывания (преимущественно вслух, даже когда текст читался наедине), повторения и обсуждения. Это было связано не только с методиками школьного преподавания, но и с отношением к чтению как особой форме социальной активности, а не просто как к пассивному восприятию написанного [24, с. 34].

Назидательные картинки и книги эмблем

Назидательным потенциалом обладал и иллюстративный материал учебных пособий. В ранних букварях он использовался

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

Золотое зеркало для детей. Санкт-Петербург, 1830

преимущественно для объяснения букв и фонетических правил. Саму идею «учебной книжки с картинками» (*libellus imaginum*) выдвинул в 1614 году профессор теологии Ростокского университета Эйлерт Люббен (1565–1621) [6, с. 326]; впоследствии ее продуктивно использовал выдающийся чешский педагог Ян Амос Коменский (1592–1670) в своем пособии «Мир чувственных вещей в картинках» («*Orbis Sensualium Pictus*», 1658). В России первым учебным пособием подобного рода стал иллюстрированный (цельногравированный) букварь (Москва, 1694) иеромонаха Кариона (Истомина) (конец 1640-х–1717).

FOR YOUTH.

5

II.

UPON THE LARK AND THE FOWLER.

THOU simple bird, what makes thee here to play?

Look, there 's the fowler, pr'ythee come away.
Dost not behold the net? Look there 'tis spread,
Venture a little further, thou art dead.

Is there not room enough in all the field,
For thee to play in, but thou needs must yield
To the deceitful glitt'ring of a glaſs,
Between nets placed, to bring thy death to paſs?

Divine Emblems. Edinburgh, 1867

Впоследствии функции картинок в учебной литературе усложняются — они дублируют содержание текста, делают нравоучение более наглядным, выступают своего рода мнемотехническим средством для лучшего запоминания содержания. Преимущества визуализации для распространения определенных представлений о подобающем и неподобающем оценили еще авторы летучих листов, популярных на немецкоязычных территориях со времен ранней Реформации [19].

Для детей издавались поучительные рассказы с иллюстрациями, на которых изображались сценки из повседневной жизни. Примером такого пособия может быть «Золотое зеркало для

детей» (1791) священника и педагога Иоганна Сигизмунда Штойя (1745–1808), состоящее из 90 иллюстрированных историй с выразительными заголовками: «Понятливый ребенок», «Склонное к воровству дитя», «Щедролюбивое дитя», «Сочувствие, которое вознаграждается», «Лжец, которого настигает наказание» [32]. Данная книга в двуязычной, немецко-русской форме выдержала несколько изданий в Санкт-Петербурге.

Книги аллегорических изображений — эмблем, столь популярные в европейской культуре раннего Нового времени, были не многочисленны в общем объеме детской литературы: лишь в начале XVII века складывается эмблематический тип книги, который «ассоциировался современниками с наставлениями, пособиями, руководствами юношеству и даже детям при вхождении во взрослую жизнь» [6, с. 316–317]. Как и в изданиях для других возрастных групп, книги эмблем для детей состояли из череды аллегорических изображений с поясняющими текстами — краткими нравоучениями или пространными толкованиями, зачастую в рифмованной форме. Иногда эмблематические издания возникали как переделки детских книг для чтения. Так случилось, например, со сборником назидательных стихов для детей английского баптистского проповедника и писателя Джона Баньяна (1628–1688) («A Book for Boys and Girls: or, Country Rhimes for Children», 1686), который с 1707 года был дополнен гравюрным рядом и на протяжении XVIII-го и отчасти XIX века был одним из наиболее популярных в Европе эмблематических сборников [10].

Известны также эмблематические пособия об обязанностях девочек — одним из них было популярное нидерландское издание поэта и дипломата Якоба Катса (1577–1660) [12] в 1618 году, ставшее впоследствии образцом для многих немецких и английских книг данного жанра. Увлечение эмблематикой в учебных целях не обошло и Россию: на протяжении XVIII века в различных типографиях многократно переиздавался сборник поучений о добродетелях с 67 аллегорическими гравюрами и стихотворными к ним пояснениями «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная символами и при уподоблении изъясненна к наставлению и пользе юным» (1712).

* * *

Представленные выше формы нравственных предписаний встречались далеко не во всех учебных пособиях и не всегда в «чистом» виде: библейские цитаты подавались вперемешку с «домашними таблицами» и правилами этикета; серьезные грамматические пособия совмещались с казалось бы не очень подходящими для этих

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

изданий разделами о правилах благочестивой жизни; поучительные истории дополнялись нравоучительными максимами, песенками об обязанностях, подборкой картинок-эмблем. Со временем изменялся и удельный вес тех или иных разделов. В изданиях XVI–начале XVII веков доминировали религиозно-нравоучительные сентенции или форма абстрактных постулатов и императивов, которые дополнялись набором основных христианских обязанностей в виде «домашних таблиц». На протяжении второй половины XVII века абстрактные постулаты все чаще дополняются, а в каких-то случаях даже замещаются ситуативным анализом проявлений добродетели и порока, своего рода нравственными кейсами в виде поучительных историй. Конкретному анализу содержания нравственного назидания, которое преподносилось в учебной литературе в столь многообразных формах, посвящена вторая часть данного исследования.

Литература

1. Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г. Светский и религиозный компонент в западноевропейской учебной литературе XVIII в. // Западноευропейская и российская учебная литература XVI – начала XX вв. (конфессиональный аспект) / ред. Л.В. Мошкова, В.Г. Безрогов. М.: Издат. Центр ИЭТ, 2013. С. 116–158.
2. Корзо М.А. О нравственном реформировании ранненовременного общества: идейные основания и институты // Человек. 2019. Т. 30. № 4. С. 72–93.
3. Кошелева О.Е. Светские и религиозные компоненты в российской учебной литературе эпохи Просвещения // Западноευропейская и российская учебная литература XVI – начала XX вв. (конфессиональный аспект) / ред. Л.В. Мошкова, В.Г. Безрогов. М.: Издат. Центр ИЭТ, 2013. С. 191–216.
4. Левинсон К.А. Образы мира и системы ценностей в постреформационных немецких букварях // Проблемы современного образования. 2014. № 4. С. 33–40.
5. Ромашина Е.Ю., Безрогов В.Г. «Новый российский букварь с краткими нравоучениями и повестями» (1775–1785 гг.): опыт историко-педагогического детектива // «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.) / ред. М.В. Тендрякова, В.Г. Безрогов. М.: Памятники исторической мысли, 2015. С. 87–108.
6. Школьные пособия раннего Нового времени: от Часослова к Orbis sensualium pictus. Коллективная монография / ред. К.А. Левинсон, Ю.Г. Куровская, В.Г. Безрогов. М.: Памятники исторической мысли, 2017.
7. Alderson B., de Marez Oyens F. Be Merry and Wise. Origins of Children's Book Publishing in England, 1650–1850. New Castle: OAK Knoll Press, 2006.
8. Alzheimer-Haller H. Handbuch zur narrative Volksaufklärung. Moralische Geschichten 1780–1848. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004.
9. Barth S. Jungfrauenzucht: Literaturwissenschaftliche und pädagogische Studien zur Mädchenerziehungsliteratur zwischen 1200 und 1600. Stuttgart: M. & P. Verlag, 1994.
10. Bunyan J. Divine Emblems: or, Temporal Things Spiritualized. Fitted for the Use of Boys and Girls. Philadelphia: M. Carey, 1796.
11. Burmann G.W. Kleine Lieder für kleine Mädchen, und Jünglinge. Berlin: G.I. Decker, 1777.

12. *Cats J.* Maedchen-Plicht ofte Ampt der jonck-vrouwen, in eerbaer liefde, aengewesen door sinnebeelden. Middelburg: H. vander Hellen, 1618.
13. *Dietrich J.C.* Biblisches Spruchbüchlein, darinn unterschiedene vornehme Sprüche <...> zu Erbau und Fortpflanzung der Gottseeligkeit bey der Schul-Jugend. Ulm: E. Kühnen, 1616.
14. *Elementarz dla małych dzieci.* Wilno: Drukarnia Akademicka, 1791.
15. *Galle A.* Populäre Moral der christlichen Religion. Wien: s.n., 1813.
16. *Graves F.P.* A History of Education During the Middle Ages and the Transition to Modern Times. Westport: Macmillan, 1970.
17. *Hegendorfer K.* De instituenda vita et moribus corrigendis iuventutis paraenesis. Haganoae: J. Secerius, 1529.
18. *Janeway J.* A Token for Children: being an Exact Account of the Conversion, Holy and Exemplary Lives, and Joyful Death of several Young Children. Worcester: James R. Hutchius, 1785.
19. *Jaritz G.* Das Bild des “Negativen” als Visualisierung der Übertretung von Ordnungen im Spätmittelalter // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseum. Jahrgang 1993. S. 205–213.
20. *Korzo M.A.* Polnische Fibelkatechismen des 16. und 17. Jahrhunderts: religiöser Inhalt und deutsche Einflüsse // Religion and Educational Media / Eds. S. Schütze, E. Matthes, W. Sroka. Bad Heilbrunn: Julius Klinkhardt Verlag, 2018. S. 92–99.
21. *Kraye J.* Melanchthons ethische Kommentare und Lehrbücher // Melanchthon und das Lehrbuch des 16. Jahrhunderts / Hrsg. von J. Leonhardt. Rostock: Universitäts Druckerei, 1997. S. 195–216.
22. *Lehrbuch der Christlichen Religion zum Gebrauche in Kirchen und Schulen.* München: J. Lentner, 1807.
23. *Moore C.N.* “Gottseliges Bezeugen und frommer Lebenswandel”. Das Exempelbuch als pietistische Kinderlektüre // Das Kind in Pietismus und Aufklärung / Hrsg. von J.N. Neumann, U. Sträter. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen; Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000.
24. *Moore C.N.* The Maiden’s Mirror. Reading Material for German Girls in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987.
25. [*Otha B., Otha L.*]. ? Syllabas per discendi Ratio. Pueris analphabetis. [Lipsiae: s.n., ca. 1526].
26. *Pinicianus J.* Brevis institutio de octo partibus orationis. Augusta: Otmar, 1522.
27. *Popławski A.* Nauka moralna dla szkół narodowych. Kraków: Szkoła Główna Koronna, 1790.
28. *Reu J.M.* Quellen zur Geschichte des biblischen Unterrichts. Gütersloh: Bertelsmann, 1906.
29. *von Rochow F.E.* Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen. Teil. 2. Frankfurt: bei Eichenbergischen Erben, 1779.
30. *von Rochow F.E.* Der Kinderfreund. Ein Lesebuch zum Gebrauch in Landschulen. Teil 1–2. Nürnberg: durch E.Ch. Grattenauer, 1791.
31. *Sittenlehre für Volksschulen; oder Lesebuch für unstudierte Leute über die Pflichten gegen Gott, und den Nächsten.* Stadthof: Daisenbergeschen Buchhandlung, 1808.
32. *Stoy J.S.* Goldener Spiegel für die Kinder. Mit Kupfern. Ein Lesebuch, bestehend in auserlesenen Erzählungen. Nürnberg: bei Ch. Weigel, A.G. Schneider, 1791.
33. *Strauss G.* Luther’s House of Learning. Indoctrination of the Young in the German Reformation. Baltimore; London, 1978.
34. *Sturm I.* De literarum ludis recte aperiendis. Argentoratum: V. Rihelius, 1538.

М.А. Корзо
О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.
Часть I

- # On the Forms and Content of Moral Instruction in School Books and Children's Reading Books of the 16th to the Early 19th Centuries

1. Barannikova N.B., Bezrogov V.G. Svetskii i religiozniy component v zapadnoevropeiskoi uchebnoi literature XVIII v. [Secular and Religious Component in the West European Educational Literature of the XVIII Century]. *Zapadnoevropeiskaia*

i rossiiskaia uchebnaia literatura XVI – nachala XX vv.: konfessional'nyi aspekt [Western European and Russian Educational Literature of the 16th – Early 20th Centuries (Confessional Aspect)], eds. L.V. Moshkova, V.G. Bezrogov. Moscow: Tsentr IET Publ., 2013. P. 116–158.

2. Korzo M.A. O нравstvennom reformirovanii rannenovovremennogo obschestva: ideinye osnovaniia i instituty [On the Moral Reform Movement in the Early Modern Society: Ideological Grounds and Institutions]. *Chelovek*. 2019. Vol. 30. N 4. P. 72–93.

3. Kosheleva O.E. Svetskie i religioznyye komponenty v rossiiskoi uchebnoi literature epohi Prosvescheniia [Secular and Religious Components in the Russian Educational Literature of the Enlightenment]. *Zapadnoevropeiskaia i rossiiskaia uchebnaia literatura XVI – nachala XX vv.: konfessional'nyi aspekt* [Western European and Russian Educational Literature of the 16th – Early 20th Centuries (Confessional Aspect)], eds. L.V. Moshkova, V.G. Bezrogov. Moscow: Tsentr IET Publ., 2013. P. 191–216.

4. Levinson K.A. Obrazy mira i sistemy tsennostei v postreformatsionnykh nemetskih bukvariah [World Images and Value Systems in Post-Reformation German Primers]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2014. N 4. P. 33–40.

5. Romashina E.Yu., Bezrogov V.G. “Novyi rossiiski bukvar’ s kratkimi nra-voucheniiami i povestiami” (1775 – 1785 gg.): opyt istoriko-pedagogicheskogo detektiva [“New Russian Primer with Short Moral Instructions and Tales” (1775–1785 rr.): Experience of Historic-Pedagogical Detective]. “V Rossii nado zhit’ po knige”: nachal’noe obuchenie chteniui i pis’mu (stanovlenie uchebnoi knigi v XVI–XIX vv. [“You have to live in Russia According to the Book”: Primary Education in Reading and Writing (the Formation of the Textbook in the XVI–XIX Centuries)], eds. M.V. Tendryakova, V.G. Bezrogov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2015. P. 87–108.

6. *Schkolnye posobiia rannego Novogo vremeni: ot Chasoslova k Orbis sensualium pictus. Kollektivnaia monografiia* [Schoolbooks of the Early Modern Times: from the Book of Hours to Orbis sensualium pictus. Collective Monograph], eds. K.A. Levinson, Yu.G. Kurovskaya, V.G. Bezrogov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2017.

7. Alderson B., de Marez Oyens F. *Be Merry and Wise. Origins of Children’s Book Publishing in England, 1650–1850*. New Castle: OAK Knoll Press, 2006.

8. Alzheimer-Haller H. *Handbuch zur narrative Volksaufklärung. Moralische Geschichten 1780–1848*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004.

9. Barth S. *Jungfrauenzucht: Literaturwissenschaftliche und pädagogische Studien zur Mädchenerziehungsliteratur zwischen 1200 und 1600*. Stuttgart: M. & P. Verlag, 1994.

10. Bunyan J. *Divine Emblems: or, Temporal Things Spiritualized. Fitted for the Use of Boys and Girls*. Philadelphia: M. Carey, 1796.

11. Burmann G.W. *Kleine Lieder für kleine Mädchen, und Jünglinge*. Berlin: G.I. Decker, 1777.

12. Cats J. *Maedchen-Plicht ofte Ampt der jonck-vrouwen, in eerbaer liefde, aenghewesen door sinnebeelden*. Middelburg: H. vander Hellen, 1618.

13. Dietrich J.C. *Biblisches Spruchbüchlein, darinn unterschiedene vornehme Sprüche <...> zu Erbau und Fortpflanzung der Gottseeligkeit bey der Schul-Jugend*. Ulm: E. Kühnen, 1616.

14. *Elementarz dla małych dzieci*. Wilno: Drukarnia Akademicka, 1791.

15. Galle A. *Populäre Moral der christlichen Religion*. Wien: s.n., 1813.

16. Graves F.P. *A History of Education During the Middle Ages and the Transition to Modern Times*. Westport: Macmillan, 1970.

М.А. Корзо

О формах и
содержании
нравственного
назидания
в школьных
учебниках и детских
книгах для чтения.

Часть I

